

**Ариадна
КУЗНЕЦОВА**

У СЕВЕРНЫХ СЕЛЬКУПОВ

Спустя тридцать лет

Моё первое знакомство с селькупским языком произошло в 1970 году, когда на отделении структурной и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ была организована полевая практика студентов, участвовавших в течение года в работе семинара по самодийским языкам. Первая селькупская экспедиция (которой предшествовали две ненецкие) работала в пос. Сидоровске, четыре последующие – в расположенном на р. Таз Красноселькупского района Ямало-Ненецкого автономного округа. Красноселькупский район выделился из Туруханского района Красноярского края в 1944 году. На основе собранного здесь в период 1970–1973 годов и затем в 1977 году материала были изданы «Очерки по селькупскому языку (тазовский диалект)» в трёх томах.

В 1970-е годы не только в маленьких посёлках, но и в Красноселькупе дети ещё разговаривали на родном языке, хотя в школе-интернате школьникам, начиная уже с 1950-х годов, по свидетельству всех учившихся в те годы в нём, запрещали говорить по-селькупски.

В период 1970-х годов ещё были живы многие сказочники, от которых удалось записать большие сложные тексты. Некоторые сказки представлены в разных вариантах; сказку могли рассказывать даже дети, однако в упрощённом варианте. О социолингвистической ситуации этого времени в Туруханском районе, из которого выделился Красноселькупский район, достоверных сведений не сохранилось, хотя в конце 1960-х и начале 1970-х годов здесь собирали материал томские лингвисты.

Прошло без малого тридцать лет, и я снова в 2002 году приехала в Красноселькуп в группе из шести человек с чисто научными, а не учебными целями. С одной стороны, молодые уже не только не разговаривали на селькупском языке (хотя кое-кто понимал, что им говорили старшие), но и не хотели этого делать. Кроме того оказалось, что прошло разделение школы на две – на русскую школу-десятилетку и селькупскую начальную, из которой лишь единицы переходили в русскую, чтобы иметь возможность по окончании её ехать на учёбу в Санкт-Петербург в Институт народов Севера (РГПУ им. А.И. Герцена). С другой стороны, выяснилось, что среди селькупов среднего возраста и даже молодых есть хорошо владеющие родным языком люди, частично живущие не в Красноселькупе, а в лесу, но приезжающие на время из леса в райцентр. Налицо ситуация, получившая название гибридной культуры (поселковая и тундрово-лесная). Живущие в посёлке селькупы, представляющие поселковую культуру, отказываются от родного языка или плохо владеют им. Тундрово-лесная культура, представители которой живут в лесу и сохраняют родной язык, стараются не говорить с детьми на родном языке, а говорят по-русски, подготавливая таким способом детей к школе. Правда, в небольших посёлках этого района при наличии в них

начальной школы молодые ещё пользуются родным языком.

Незадолго до последнего приезда в 2002 году в Красноселькуп я в группе из трёх человек в 1998 году впервые приехала к туруханским селькупам. Коллеги отправились в с. Совречка (Советская речка), а я стала работать в с. Фарково Туруханского района Красноярского края. Туруханский говор селькупского языка несколько отличается от тазовского, который лёг в основу письменного селькупского языка для северных селькупов, но хорошо владеющие родным языком селькупы без труда могут читать и понимать написанное на тазовском диалекте. Ситуация в Фарково в конце 1990-х годов оказалась близкой той ситуации, которую я обнаружила несколькими годами позже в Красноселькупе, о чём уже было сказано: молодёжь в конце столетия не только не говорила на селькупском языке, но и не хотела этого делать. На следующий (1999 г.) ситуация только ухудшилась, поскольку старшее поколение «пошло на вымирание». Ещё через четыре года (в 2003 году) уже и старые люди, живущие в посёлке, стали переходить на русский язык. Тем не менее, в лесу до сих пор живёт достаточно много селькупов, и все они владеют родным языком.

Таким образом, на переломе тысячелетий селькупский язык ещё жив, среди обитателей леса находится в достаточно хорошей сохранности, но молодые в посёлке не желают его использовать.

Я не берусь прогнозировать срок жизни языка и степень сохранности его в условиях посёлка. В мою задачу входит описание социолингвистической ситуации, имеющей место в с. Фарково в конце XX – начале XXI веков, выяснение отношения к ней носителей языка, уровень владения языком на этот период у представителей разных возрастных когорт и состояние самого селькупского языка. Я хочу понять, с одной

стороны, почему одни молодые селькупы добровольно и вполне сознательно отказываются от родного языка, а другие (которых в посёлке единицы) осуждают своих сверстников и пытаются (иногда, впрочем, только на словах) противостоять им.

С проблемами социолингвистическими тесно увязаны вопросы сугубо лингвистические. Меня интересует, какие изменения и в силу каких причин произошли и происходят в современном селькупском языке, каково состояние языка в условиях посёлка на сегодня.

Выяснение современной ситуации с селькупским языком не было бы возможным без помощи самих носителей языка. В моей работе учитывались и определялись все уровни владения языком, в связи с чем записи делались не только от хорошо владеющих им, но и от тех, кто плохо владел языком и даже от тех, кто знал только отдельные слова. Для поставленной цели были важны и положительные, и отрицательные результаты. Именно поэтому я приношу искреннюю благодарность всем информантам, с которыми я работала. В процессе этой трудоёмкой работы я всегда чувствовала искреннее желание со стороны работавших со мной селькупов помочь мне. Нередко я наблюдала пробуждение интереса у информантов к родному языку: иногда спустя день или два человек вспоминал слово, которое он не мог назвать накануне, и спешил сказать его мне, а заодно сообщить и какие-то новые слова или даже рассказать сказку, вдруг ожившую в памяти.

Где живут северные селькупы

Районное переподчинение посёлков в Северо-Западной Сибири – явление обычное и столь частое, что трудно уследить, как, что и когда было переименовано.

Сам Туруханский район (когда-то край, неофициально сохранивший это наименование и по сей день) Красноярского края неоднократно изменял свои границы. Например, 10 августа 1944 года Указом Президиума Верховного Совета РСФСР в ЯНАО был образован Красноселькупский район, куда вошли территории Верхне-Тазовского, Тазовско-Ненецкого, Тазовско-Селькупского и Тымско-Караконского сельсоветов, входивших ранее в состав Туруханского р-на Красноярского края. В Туруханском районном Гос. Архиве хранятся материалы, помогающие воссоздать картину изменений административных границ района.

Вскоре после революции 1917 года появились кочевые советы, сокращённо во всех документах к/с). Район бассейна р. Таз и верховья Турухана территориально были разделены на три подрайона: Южно-Тазовский, охватывающий Верхне-Тазовский к/с, и Печальскую и Чертоозерскую группы Средне-Тазовского к/с (здесь жили селькупы и эвенки Верхнего Таза). Средне-Тазовский подрайон охватывал территорию Караконского к/с и Часыльскую группу Средне-Тазовского к/с (здесь жили селькупы Среднего Таза), а Северно-Тазовский подрайон – территорию Тазовско-Ненецкого и Чапогиро-Эвенкийского к/с (это места проживания селькупов Нижнего Таза и эвенков верховьев Турухана). Кочевые существовали до 1930-х годов. На смену кочевым пришли сельсоветы. Начались переименования (в том числе и упоминаемые выше), нередко отстававшие от реального перехода населения кочевых советов на оседлость. Более того, ещё до официального переименования кочевых в сельсоветы появились штампы и печати, именующиеся штампами и печатями сельсовета, который продолжал числиться кочевым. В 1950-е годы административно-территориальная структура района снова изменилась, в

результате чего относящиеся к Красноселькупскому району селькупские селения Баиха, Фарково и несколько других опять отошли к Туруханскому району, что в конечном счёте отрицательно сказалось на школьном образовании, поскольку произошло переподчинение образования и вызванная этим изоляция туруханских селькупов от близкородственных им по языку красноселькупских.

В 1966 году в связи с тем, что некоторые сельские Советы были переведены в другие населённые пункты, было принято решение переименовать Баишенский сельсовет с центром Фарково в Фарковский, с центром д. Фарково; Елогуйский с центром д. Келлог, в Келлогский с центром д. Келлог; Зырянновский с центром д. Сургутиха, в Сургутихинский (д. Сургутиха); Мирновский с центром Баиха в Бахтинский (д. Бахта) Усть-Курейский с центром Серково в Серковский (д. Серково); Сумароковский с центром Бор в Борский сельсовет (с. Бор); Чапогиро-Эвенкийский с центром Совречка в Совреченский (Совречка).

В период 2003–2004 годов в Туруханском районе числилось 15 сельсоветов, среди которых селькупским считается Фарковский с центром в с. Фарково, хотя отдельные семьи, иногда сохраняющие родной язык, иногда – отказавшиеся от него, встречаются в Бакланихе, Совречке, Горошихе и других пунктах. Из 15 сельсоветов Туруханского района в семи живут представители трёх коренных национальностей (селькупы, кеты и эвенки); в пяти – двух (кеты и селькупы или кеты и эвенки), не считая повсеместно живущих русских, которые начали жить в посёлках, судя по данным Архива, только в 1930-е годы. Сейчас основная масса селькупов живёт в с. Фарково и с. Туруханск, куда в последние годы активно переезжают жители Фарково. Значительно меньше их в Совречке и в с. Бор. Во всех этих и других посёлках и сёлах селькупы

(по сведениям, полученным от начальника управления делами, их на 2003 год – 369 чел.) соседствуют и общаются с кетами и/или эвенками, а также с русскими. Вполне естественно, что в Туруханском районе широко представлены межэтнические контакты, имеющие разные варианты своего проявления в зависимости от особенностей языков, находящихся в контакте, подходов к анализу их со стороны специалистов-лингвистов и от специфики социально-демографической ситуации на местах.

Знакомьтесь: посёлок Фарково

На 1 января 1998 года в посёлке Фарково Туруханского района Красноярского края зарегистрировано 346 жителей, из них 113 русских, 2 эвенка, 18 кетов и 213 селькупов (каждый год эта цифра слегка меняется в связи с отъездом одних, рождением других или смертью третьих жителей посёлка). Селькупы, таким образом, составляют две трети населения, так что посёлок считается «селькупским». До второй мировой войны посёлками со значительным селькупским населением были Янов Стан на р. Баихе, Сургутиха на р. Мангутиха, Бакланиха, Горошиха и Курейка на Енисее, Мадуйка и Серково на р. Курейке, в которых к настоящему времени остались считанные селькупские семьи, как и в пос. Совречка (с преобладающим эвенкийским населением) на севере Туруханского района. В Горошихе, которая до конца 1980-х годов находилась на левом берегу Енисея, в настоящее время (2003 год) есть только две смешанные семьи с женщинами-селькупками. Между тем, по данным Туруханского районного гос. Архива за 1936 год, в Горошинском сельсовете числилось 419 селькупов. Из Якова Стана, где когда-то (1926–1929 гг.) была школа, возглавляемая Г.Н. Прокофьевым, и где в 1941 года

работала Л.А. Варковицкая, все жители переселены в другие места, в основном – в Фарково. Именно в Яновом Стане исследователи записали более сотни текстов на селькупском языке (в том числе – от детей!), до сих пор не изданных (хотя потребность в них велика). Из общего количества селькупов (213 чел.), числящихся в Фарково, около 50 чел., то есть четверть селькупского населения, живёт в лесу. Они приезжают в посёлок в летнее время произвести «отоварку», закупить порох, продукты, сдать пушнину и т.п., а к сентябрю или в первых числах сентября обычно разъезжаются по своим охотничьим избушкам в лесу, оставляя детей школьного возраста в интернате и увозя с собой дошкольников. Охотники, живущие на речках сравнительно недалеко от Фарково, иногда приезжают в посёлок по несколько раз за лето (а изредка и зимой), в то время как промышленяющие в лесу далеко от посёлка зависят от вертолётов, не имеющих в последние годы регулярных рейсов. В сентябре 1998 года из-за плохой работы транспорта несколько семей охотников задержались в Фарково на весь сентябрь, благодаря чему возникла возможность сравнить уровень знания селькупского языка постоянных жителей посёлка и селькупов, живущих большую часть года в лесу и лучше знающих родной язык и фольклор, чем поселковые селькупы.

Социолингвистическая ситуация у туруханских селькупов Фарково

Выяснение социолингвистической ситуации у туруханских селькупов предполагает обсуждение вопросов, теснейшим образом связанных с проблемами современного состояния селькупского языка, изменения в котором происходят в силу разных причин. Определение уровня знания селькупом его родного языка

представляет нелёгкую задачу. Существует немало способов решения этой и подобных ей задач, в частности, таких, которые использовали французские функционалисты для выяснения степени владения родным языком людьми, реально говорящими на нём (что далеко не всегда можно сказать о селькупках). С известной осторожностью подобная методика применима и к селькупскому языку. Заключается она в том, что учитывается языковая интуиция говорящих, которая может быть согласованной или несогласованной, а их ответы на вопросы лингвиста – разной степени уверенности. В результате все случаи колебаний, неуверенности носителей языка в употреблении в родном языке тех или иных форм слова становятся зачатком последующих языковых изменений и полного забвения многих слов и их грамматических категорий. Данная гипотеза о существовании корреляции между психологическим и социальным измерениями языка нашла своё подтверждение на селькупском материале. Однако о колебаниях селькупов в употреблении, отдельных слов и их форм можно говорить лишь применительно к речи среднего и старшего поколения. Что касается средне-молодого поколения, то их колебания связаны скорее с вопросом о том, нужен ли им селькупский язык.

Единства во взглядах на вопрос, необходимо ли селькупам знать родной язык, нет. Чтобы почувствовать это, достаточно сравнить между собой следующие высказывания, полученные в ответ на вопросы: «Хотите ли Вы, чтобы Вашим детям преподавали селькупский язык в школе и для чего это нужно?» и «Сохранится ли селькупский язык и в течение какого срока?». Во многих ответах и их мотивировках сквозит полное безразличие опрашиваемых по отношению к данной проблеме; это особенно чувствуется в прогнозировании будущей судьбы селькупского языка самими носителями языка.

Представители старшего и среднего поколения (и лишь в единичных случаях молодого) делают мрачные прогнозы относительно дальнейшего существования селькупского языка:

- Скоро вообще знать не будут селькупского языка (1940 г. р.).
- А чево толку-то, что они (уже взрослые дети. – А.К.) будут знать селькупский язык. Это поколение уже на вымирание пошло. Сколько умерло и этот год, то утонут, то горят (то есть умирают от пьянства. – Л.К.). Так [сё] ра[м]но. Тя[з']ело так. Уборщицей возьмут и [сё]. Вот тебе и [т']ум. А там и пьют, и гуляют. Так [с]то бесполезно. Зачем им язык-то. Маленький (ребёнок. – А.К.) вот такой, а он уже не знает свой язык. Папаши там молодые, они не у[т']ят детей. Наверяд ли будут знать те, кто родился в 50-е (1934 г. р.).
- Скоро здесь селькупский язык, наверно, замолкнет (1950 г. р.).
- Они (молодые. – А.К.) понимают местами, а сказать не могут, базар (Им. п.) нашего не понимают. 50-е, может, 60-е (имеются и виду годы рождения. – А.К.) ещё подержат, пофурычат ещё наши года. Чисто по-русски базарят (1953 г. р.; сказано о молодых. – А.К.).
- Лет через 30 селькупский вымрет (1962 г. р.).
- Не выживет язык. Продержится лет 50–60 (1969 г. р.).

О предсказаниях, касающихся сроков жизни языка, подробно писали Н.Б. Вахтин и Е.В. Головки. С написанным ими очень хочется согласиться, но ведь известны тысячи языков, канувших в Лету, среди которых есть ушедшие в небытие и уральские языки. В науке часто встречается обсуждение проблемы неожиданного «пробуждения» языка иногда много веков спустя после его исчезновения. Можно сомневаться в сроках исчезновения языка, но нельзя не прислушиваться к прогнозам самих носителей, прогнозам, отражающим, прежде всего, понимание селькупками их собственного уровня владения языком.

У селькупов есть такие семьи (и число их, судя по всему, увеличивается), в которых родители между собою говорят по-селькупски, но к детям обращаются по-русски, желая облегчить им их будущую жизнь в интернате, поскольку помнят о том, как сами мучились в младших классах школы, не понимая русскую речь. Мотивировка родителей того, почему им не следует самим учить своих детей родному языку, совпадает с официальной установкой не делать этого, так как иначе «плохо будут русский знать». С другой стороны, те же родители говорят, что детей селькупскому языку «в школе надо учить» и что необходимо считать селькупский язык родным (последнее даёт некоторые льготы). Далее следует объяснение, свидетельствующее о непонимании того, что сами селькупы лишают детей возможности выбора, какой язык им считать родным, когда вырастут: «Внучке рассказывал сказки по-русски. У неё отдельные слова вылетают (по-селькупски. – А.К.) «хлеб, блюдец, чай». Постарше будет, всё равно в 10 лет учить буду» (1949 г. р.). Вполне понятно, что такое поведение родителей отрицательно сказывается на функционировании и сохранности селькупского языка в целом. В ответах молодого поколения на вопросы «надо ли учить детей селькупскому языку и не вымрет ли он», нередко чувствуется легкомыслие, как в следующем высказывании: «Куда он (язык. – А.К.) денется! Останется! Говорить надо побольше только» (1970 г. р.). Сам носитель языка владеет селькупским очень плохо, чего не осознаёт. Те же, кто понимает, что не знает родной язык, всё равно считают, что их дети должны знать «свой язык» и откровенно говорят: «Отвезу к маме домой, чтобы язык выучили» (1972 г. р.), не учитывая, что их родители тоже наполовину утратили язык, забыли его.

Перед угрозой исчезновения селькупского языка

Уже в начале 1990-х годов языковая ситуация у северных селькупов была тревожна, хотя и не катастрофична. В отличие от ненцев, территориально значительно более разбросанных, чем селькупы, дисперсное расселение последних отрицательно сказалось на них. Большинство северных туруханских селькупов живёт в настоящее время в с. Фарково, но административно они оказались в подчинении властям, уделяющим большее внимание кетам, которые среди аборигенов района составляют большинство (по переписи 1989 года, их 1084 чел., а по данным Госкомсевера 1999 года, их 1113 чел.), и даже эвенкам, чем селькупам. Кроме того, будучи оторванными от Красноселькупского РОО (районный отдел образования), обойдены вниманием и селькупские учащиеся. Казалось бы, наличие письменности должно сдерживать темпы разрушения селькупского языка, но это не так.

Отношение к вопросу сохранения селькупского языка у окружающего селькупов населения и администрации чаще всего безразличное (пренебрежительное встречается редко). Многие русскоязычные жители с. Фарково открыто говорят, что чем так учить селькупскому языку в школе, как это происходит в селе, лучше совсем не учить. И во многом они правы: изучение по два часа в неделю в течение всего лишь трёх лет языка, которым дети часто не владеют, поскольку родители не разговаривают с ними по-селькупски, вряд ли может что-либо дать. Впрочем, не исключено, что даже столь поверхностное знакомство с селькупским языком, который учат в фарковской школе и русские дети, способно пробудить у кого-нибудь интерес к языку, селькупскому фольклору и самому народу.

Можно ли (и нужно ли) при существующей ситуации пытаться искусственно ревитализировать находящиеся в особо плачевном состоянии многие языки уральских малочисленных народов? Вопрос тяжёлый и спорный (известно, что «задавать себе вопросы очень полезно, но отвечать на них очень опасно», по словам историка рубежа XIX–XX веков Шарля Сеньобоса). С одной стороны, при далеко зашедшем процессе разрушения и забвения ряда языков и – главное – при нежелании самих носителей языка учить их, видимо, в этом нет необходимости. С другой стороны, такое решение будет чудовищно несправедливым по отношению к тому меньшинству, которое страдает от невозможности продлить жизнь «умирающему» языку, фольклору, обычаям. В таком случае необходимо действенно, а не на словах, помогать улучшать языковую и культурную ситуацию в местах проживания малочисленного этноса, то есть проявлять известную нетерпимость к создавшемуся положению вещей. И начинать делать это надо с изменения существующей практики преподавания, с изменений в написании учебников, с реформирования в подготовке учителей и многого другого, что упирается в общеэкономические и общеполитические проблемы. Но если даже допустить, что все изменения в области образования, книгоиздания и СМИ, желаемые одной частью общества и игнорируемые другой, уже практически признавшей себя ассимилированной, произойдут, то, спрашивается, не будет ли и в этом случае нарушен принцип толерантности? Любая борьба за свои права любой группы населения есть проявление нетерпимости. Вместе с тем, ни одно обновление, ни в одной сфере человеческой жизни не обходится без борьбы. Вопрос остаётся открытым. Сегодня языковая ситуация малочисленных уральских народов России является индикатором их общего неблагополучия.

Как писал Марк Блок в своей книге «Апология истории, или Ремесло историка», «подлинное время – по природе своей некий континуум», «непрестанное изменение». Беря два последовательных периода «из чреды веков», он задавал вопрос: «В какой мере связь между ними, создаваемая непрерывным течением времени, оказывается более существенной, чем их несходство, которое порождено тем же временем, – иначе, надо ли считать знание более старого периода необходимым или излишним для понимания более нового?». Другими словами, возможно ли объяснять социальные явления простой отсылкой к более ранним состояниям? Ответом на поставленный вопрос служит арабская пословица, приводимая Марком Блоком: «Люди больше походят на своё время, чем на своих отцов». Данная пословица как нельзя лучше характеризует в настоящее время языковую ситуацию в с. Фарково и роль в ней средне-молодого поколения северных селькупов.

Публикуемая работа предполагает прежде всего фиксацию состояния селькупского сообщества, его культуры и языка на грани тысячелетий.

Факторы, влияющие на языковую ситуацию

Языковая ситуация, сложившаяся в последнее время в местах расселения северных селькупов и тесно связанная с уровнем владения языком его носителей, зависит от многих факторов. Это может быть возраст носителей, частота общения на родном языке с носителями другого или других языков, что, в свою очередь, связано а) с местом жительства селькупов либо в посёлке со смешанным населением, либо в лесу, где общение в кругу собственной семьи происходит большую часть времени только

на родном языке (но и это, как будет показано в дальнейшем, далеко не всегда соблюдается). Важным критерием становится б) факт наличия смешанного брака, при котором у среднего поколения часто побеждает не язык кого-либо из < родителей, а третий язык-посредник (обычно русский). Причиной частого употребления родного языка является также с) наличие в семье и в селе монолингва-селькупа. Если в семье есть долгожитель, что очень редко наблюдается у современных селькупов, средний возраст которых менее 50 лет, то среднее поколение *volens-polens* вынуждено общаться со стариками, плохо знающими русский язык (монолингвов-селькупов в посёлке нет), на селькупском языке и тем самым поддерживать собственное знание селькупского языка. Именно благодаря этому 40–50-летние не забывают свой родной язык, иногда даже улучшают его (с молодыми они уже не имеют возможности разговаривать: не только внуки, но и дети отказываются говорить по-селькупски). Возможно, с этим связан и тот факт, что ревитализация селькупского языка наблюдается скорее у представителей 40-50-летнего возраста, чем у более молодых селькупов, которые заняты собственными детьми, предпочитая селькупскому русский язык. Частота общения связана также со сферой функционирования селькупского языка. Немаловажное значение имеет уровень образования говорящего (пусть даже в рамках только школы) и сферы функционирования селькупского языка.

Обращает на себя внимание ещё один любопытный факт. Сегодня большинство представителей малочисленных уральских народов теоретически не отказывается от своего родного языка, но в то же время многие (особенно молодые) носители языка не стремятся ни овладеть им заново, если не усвоили язык в

детстве, ни сохранить его, если хотя бы немного говорили до школы. Случаи подобного языкового нигилизма ещё в 1840-е годы отмечал Элиас Лённрот у групп вепсов, оказавшихся в изоляции. По его словам, «когда создано мнение, что чужой язык лучше родного, то тем самым уже подготовлена почва для его преобладания». Именно такая ситуация наблюдается у молодых селькупов Туруханского района Красноярского края: сейчас случаи отрицания этнического языка в пользу более престижного русского получили широкое распространение даже у представителей среднего поколения.

На уровень знания селькупами их родного языка влияют многие причины, которые будут рассмотрены подробнее на основе собранного в с. Фарково материала. Уровень владения родным языком повсеместно коррелирует с возрастом его носителей. Языковой коллектив расслоился на возрастные группы (когорты). Представители старшего поколения являются носителями языковых и культурных традиций. Именно люди старшего поколения составляют группу, для которой «характерны центростремительные, консервативные тенденции», а представители младшего поколения, «наоборот, являются носителями инновационных, центробежных тенденций в культуре, и соответственно, ориентированы не на родной язык, а на язык более крупного этноса», в Российской Федерации, как правило, – на русский язык.

Для оценки языковой ситуации важно учесть один факт, связанный с фактором возраста. Известно, что в среднем возрасте происходит переоценка ценностей (Н.Б. Вахтин назвал это явлением компенсацией в языковом сознании народа), в связи с чем человек начинает воспринимать себя «последним из могикан», знающим родной язык, и потому старается утвердить в таком мнении окружающих, а те, в свою очередь,

готовы признать авторитет селькупа, владеющего родным языком лучше, чем они сами. Отсюда можно фиксировать ещё один фактор – фактор пробуждения этнического самосознания. При этом неясно, просыпается ли самосознание народа под влиянием агитации или возникает спонтанно. Например, жизнь в полностью иноязычной среде может вызвать тоску по родному языку, в то время как в своей среде, хотя и смешанной, но на родине, где все находятся в одинаковом положении и где существует свобода выбора языка, часто не ценимая и не используемая, сама возможность говорить на родном языке облегчает переход на другой язык. Так, селькуп, переселившийся в Тюмень и женатый на русской, говорит со своими детьми на селькупском языке, по свидетельству его сестры из Фарково. Женщины-селькупки, вышедшие замуж за представителей других этносов и переехавшие в кетское село, начинают говорить между собой по-селькупски, хотя в родном селе до замужества предпочитали русский язык.

Желание уяснить как можно полнее языковую ситуацию у туруханских селькупов привело к тому, что наряду со сплошным выяснением общих статистических сведений, касающихся аборигенного населения Фарково по домово́й книге в сельсовете было проведено выборочное и более полное анкетирование не только среди постоянных жителей Фарково, но и среди небольшой группы селькупов, живущих постоянно в лесу.

Работа велась с группой информантов (25 человек) разного возраста (в выборку не попали селькупы моложе 25 лет), сформировавшейся случайным образом. В посёлке в начале сентября 1998 года с отъездом в лес задержалась достаточно большая группа селькупов, которая в последующие дни быстро уменьшалась в связи с разъездом охотников по их угодьям и, таким образом, становилась недоступной для работы

в будущем. Первичное знакомство с уезжающими дало только возможность установить анкетные данные и определить уровень знания языка (хорошее, среднее/посредственное, плохое) с тем, чтобы в дальнейшем чисто языковые вопросы выяснять у носителей, хорошо знающих язык. Таковых оказалось 2/5 всех опрошенных (то есть 10 чел.), причём половина из них, а именно – 5 человек, вскоре уехала в лес. Последующее общение с селькупами (живущими как в селе, так и в лесу, в том числе и в последующие годы – в 1999 и 2003), хорошо, плохо или средне (посредственно) знающими язык, позволило не только определить языковую компетенцию носителей селькупского языка, но и понять механизмы и пути забвения ими родного языка. Следует сразу сказать, что «хорошее» знание не всегда соответствует тому, что отмечено в записях исследователей северных селькупов первой половины XX века Г.Н. и Е.Д. Прокофьевых, Л.А. Варковицкой, также работавших в Фарково. Тем не менее, уровень владения языком условно подразделён на три типа: хорошее, среднее, плохое знание селькупского языка (о принципе экспертной оценки владения языком писал Н.Б. Вахтин).

Между количеством людей, хорошо знающих селькупский язык, и их возрастом есть чёткая корреляция. Среди селькупов, родившихся в период между 1910 и 1940 годами (то есть тех, кто старше 58 лет), хорошо владеющих селькупским языком – 6 человек; среди 57–38-летних их 3 человека, а среди 37–25-летних – только один человек. Средний уровень знания селькупского языка среди старшего поколения отмечен только у одного человека, в двух других возрастных группах – по 2 человека. Некоторая стабилизация уровня языкового знания у селькупов в возрасте от 57 до 37 лет сменяется заметным ухудшением владения языком у молодого поколения (от 37 до 25 лет).

Быстро идущее забвение родного языка сказывается также на появлении людей, которые понимают, но не говорят на селькупском языке и, само собой, не говорят с детьми на родном языке. Нежелание говорить с собственными детьми на селькупском языке наблюдается даже в случае, если родители селькупы знают, хотя и плохо, свой язык. Плохое знание языка (как и полное незнание его) наиболее типично для возраста до 25 лет. В возрастной группе от 25 до 38 лет во взятой выборке было 6 человек, плохо владеющих родным языком, но не всегда признающих этот факт, в то время как среди селькупов от 38 до 57 лет лишь один человек плохо говорил по-селькупски. Округляя возраст информантов, можно говорить о трёх поколениях носителей родного языка, владеющих им хорошо (от 50 и старше), средне (от 30 до 50) и плохо (от 20 до 30), причём в каждой когорте с годами количество знающих язык всё уменьшается. Селькупов в возрасте до 20 лет можно считать уже «безъязыкими». Естественно, что внутри каждого из выделенных поколений могут быть исключения, лишь подтверждающие правила.

Приведённые результаты конкретного анализа языковой ситуации получены в 1998 году первоначально на примере всего 25 человек. В том же году при массовом обследовании селькупов в целях выяснения вопроса, насколько они владеют родным языком, результаты были подтверждены, а затем ещё раз удостоверены в 1999 и 2003 годах. В начале 1990-х годов близкую социолингвистическую картину для миноритарных уральских народов Крайнего Севера России засвидетельствовал также Юха Янхунен и (с некоторыми уточнениями) – Аго Кюннап.

При определении уровня владения языком едва ли не более существенным, чем фактор возраста, оказался фактор места проживания селькупов. Вполне

понятно, что селькупы, живущие своей семьёй в лесу, знают, как правило, селькупский язык лучше, чем поселковые селькупы, даже если охотники (жители леса) относятся к молодому поколению. Однако в случае смешанных браков при разноязычном муже и жене (напр., муж – кет, жена – селькупка) возникает проблема языка общения в семье. Языком общения может стать не селькупский язык, а язык другого члена семьи или язык-посредник, обычно русский. И тем не менее дети в лесу слышат в основном селькупскую речь своих родителей и нередко, приезжая в посёлок, не знают русского языка. С местом проживания селькупов связан и вопрос о появлении у этноса гибридных культур – «поселковой» и «лесной».

Сферы функционирования селькупского языка

За 50 лет, прошедших после окончания Второй мировой войны, для многих языков малочисленных народов сильно изменилась языковая ситуация, которая была ещё в середине прошлого века совершенно другой. Это хорошо заметно по быстро меняющемуся объёму функционирования селькупов в разных сферах их жизни.

Первое. Внутрисемейное общение. Последним прибежищем сейчас оказывается общение внутри семьи, но и оно сохраняется далеко не везде и не всегда. Так, в с. Фарково (в отличие, впрочем, от селькупов пос. Толька Пуровская) родители перестают говорить по-селькупски не только с детьми, но и друг с другом. Мотивируется это тем, что детям трудно будет учиться в школе, если они будут говорить только по-селькупски и ни слова не знают по-русски, в то время как в первом классе всё преподавание ведётся на русском языке. Иногда селькупский язык «на стороне» (то есть

вне семьи) или в присутствии русских, выполняя функцию самоидентификации, используется молодыми как «тайный» язык по отношению к русскоязычному населению. С другой стороны, существенным является принцип этики, на который часто ссылаются сами селькупы: в присутствии человека (будь то русский или селькуп), не знающего селькупский язык, вежливость требует вести беседу на русском языке (разумеется, если не возникает желания или необходимости скрыть предмет разговора от «непосвящённого»). Вели же человек начинает разговор на русском языке, говорить с ним надо по-русски, если на селькупском, то по-селькупски. Всё это требуется учитывать, чтобы составить адекватное, представление о языковой ситуации в с. Фарково.

Второе. Производственная сфера общения. В меньшей мере (по сравнению с общением в семье) используется язык в сфере традиционной хозяйственной деятельности. По данным микропереписей Госкомстата РФ последних лет, доля представителей всех малочисленных народов Севера, использующих родной язык в производственной сфере общения (среди рыбаков, охотников), составляет всего 6,7% и при этом неуклонно падает. [Концепция..., 2001, с. 8]. Точно так же если традиционная одежда заменяется фабричной, то утрачиваются и навыки орнаментального искусства, и наименования, связанные с ним, и т. д. Вместе с тем в языке рыбаков и охотников, количество которых падает, сохраняется лексика, относящаяся к сфере их хозяйственной деятельности.

Третье. Сфера фольклорной культуры способна в большей степени, чем две другие сферы функционирования языка, оживить угасающий язык, дать импульс его дальнейшей эволюции, в частности, пробудить интерес к родному языку как основному компоненту культуры. Для любого этноса (в том числе для

миноритарного, утрачивающего свой язык) наиболее мощным рычагом, позволяющим ему выжить, является его самобытное культурное развитие, в частности фольклор. Однако у молодых селькупов интерес к культурному наследию развит слабо: если дети не владеют языком, то и сказки им (в лучшем случае!) взрослые рассказывают на русском языке; точно так же на русском языке публикуются сказки в местных газетах. Всё это можно наблюдать сегодня у поселковых селькупов (в отличие, судя по многому, от живущих в лесу, и особенно по сравнению с обско-угорскими народами).

Вместе с тем, заметны и ростки пробуждающегося самосознания. Уже в 1980-е годы, когда уроки родного языка в школе в течение трёх лет вела Н.А. Паролина, у школьников зародился интерес к селькупскому языку и культуре. В 1998 году в сентябре в школе был устроен праздник, на котором исполнялись школьниками народные (в том числе и селькупские) песни и танцы. В 2003 году удалось наблюдать робкие попытки сыграть шуточную мини-пьеску на селькупском языке. Языка исполнители не знали, тем не менее текст выучили и произносили его под музыку. Текст был записан (с ошибками) руководителем данного ансамбля от матери и дешифрован ею. Интересно, что текст, представляемый как селькупский, в газете «Слово народов Севера» был опубликован в апреле 2002 года как эвенкийская сказка. В качестве доказательства того, что текст эвенкийский, в конце сказки дано разъяснение не совсем понятного теперь смысла всего действия, которое сводится к следующему. Женщина с ребёнком оставалась в чуме, пока муж ходил на охоту. Вдруг пришли какие-то люди, всё разорили, еду забрали и ушли. Женщина успела спрятаться. Когда вернулся муж и увидел плачущую жену, он подумал, что она потеряла иголку, в результате чего вся семья

останется зимой без одежды. В сказке, опубликованной в газете, даются пояснения: «В старинные времена в семье эвенков женщина имела только одну иголку. Если её теряли, то нечем было шить одежду, и вся семья погибала». Современным молодым трудно и представить себе такую ситуацию, однако близкая ситуация оказалась вполне реальной и в с. Фарково, где старейшая жительница села (1910 г. р.) отдала сыну, уехавшему в лес, свой напёрсток, оставшись сама без него. Когда же напёрсток понадобился ей, пришлось идти по другим домам просить напёрсток для себя.

Что может государство

Только что названные три сферы функционирования языка (общение в семье, традиционная хозяйственная деятельность и сфера фольклора) являются наиболее обнадёживающими в деле спасения исчезающих языков. Наряду с ними существуют и области, максимально уязвимые в данном отношении и одновременно весьма значимые, способные в большей степени, чем другие сферы функционирования языка, оживить угасающий язык, ревитализировать его. Именно в этих сферах проявляется и наиболее ощутима политика государства. Это, прежде всего, образование, книгоиздание и средства массовой информации (СМИ), включая газёты, радио и телевидение. Состояние дел в Фарково по всем перечисленным областям оставляет желать много лучшего. Тем не менее (по крайней мере, на исходе второго тысячелетия) – кое-что делается и здесь.

Выяснение уровня образования информантов приводит к ошеломляюще грустным выводам. Школьное, среднее специальное или высшее образование, часто связанное с отрывом от семьи и, следовательно, в значительной степени от родного

языка, обычно отрицательно сказывается на уровне владения селькупским языком, особенно, если селькуп, получивший образование выше среднего, не возвращается в родное село, а возвратившись, не получает работу, соответствующую уровню образования. Исключения редки, хотя и встречаются. Объясняется это тем, что с 1950-х годов, когда появились школьные интернаты, детям, по свидетельству всех, учившихся в то время людей, не разрешалось говорить на селькупском языке. Кроме того, всё обучение велось (и продолжает вестись) на русском языке, а селькупский язык был и остаётся предметом изучения. В результате ребёнок, начиная уже с детского сада или школы, неминуемо сталкивается с русским языком в большем количестве, чем с селькупским. Как ни парадоксально это звучит, но в сегодняшней ситуации получаемое учащимися образование отрицательно сказывается на знании родного языка, под которым понимается уровень владения грамматикой и объём (значительный, средний или малый) словарного запаса. Невольно возникает вопрос: когда и в силу каких обстоятельств сложилась данная ситуация? Был ли такой период, при котором владение языком не вступало в противоречие с образованием, и каков был уровень этого образования? Для получения ответа на эти вопросы необходимо обратиться к моменту появления у северных селькупов письменности, используемой при школьном обучении.

1. Обучение в школе в 1920–1930-е годы как фактор, воздействующий на языковое самосознание учащихся. Сравнение книг 1930-х годов, написанных на латинице (в 1932 году вышел первый букварь Е.Д. Прокофьевой), с ныне действующими учебниками и книгами для чтения для северных селькупов, изданных кириллицей, говорит не в пользу последних. Не исключено при этом, что при составлении

современными авторами школьных пособий ими учитывался опыт предшественников, по крайней мере, в подборе тем в книге для чтения.

Можно сравнить книгу для чтения П.Н. Жулёва 1934 года издания и книгу для дополнительного (а значит, и не обязательного!) чтения в 1–2-м классах селькупских школ «Зоренька» О. Боякиной, С. Ирикова и А. Хозовой (1989). Обе книги включают по 89 текстов для чтения. И в той, и в другой есть разделы по темам «Тундра, северная природа»; революционная тематика и тексты о Ленине, о жизни при советской власти; «Город и другие страны», о работе и учёбе в школе. Возможно, авторы книги 1989 года издания ориентировались на композицию книги для чтения 1934 года. Однако пропорции между названными темами различны.

Тексты из разных разделов в обеих книгах даны вперемешку, например, рассказы о природе помещены в начале книги, в середине и в самом конце. Компактно приводятся лишь тексты Ленинианы. В хрестоматии 1934 года по контрасту с жизнью на далёком заполярном севере приводятся рассказы о жизни в южных широтах, в Африке. Следует напомнить, что книга 1934 года (89 текстов) должна была быть прочитана учащимися на первом году обучения, а книга 1989 года (также 89 текстов) – в течение двух лет, да и то выборочно (то есть за год – менее 40 текстов). Это различие не случайно: в 1930-е годы дети ещё хорошо знали родной язык, зато ни они, ни (часто) их родители ничего не слышали об экзотических южных животных, растениях, о жизни в жарких странах, да и о жизни в центральной России тоже знали весьма приблизительно. Наоборот, в 1980-е годы дети уже плохо владели родным языком, как часто и их родители, и начинали изучать свой язык в школе как новый предмет, зато к жизни в советской стране стали уже

привычны. К этому времени родной язык нигде не был языком обучения. К этому времени затухала и фольклорная традиция. Не случайно среди сказок нет ни одной селькупской сказки, но есть чукотская, мансийская, якутская и русская. В 1930-е и начале 1940-х годов дети сами рассказывали селькупские сказки на родном языке, которые записывали от них исследователи. Так, Л.А. Варковицкая записала в 1941 году на Нижней Баихе от 14-летнего Гани (Гавриила Егоровича) Мантакова, ставшего впоследствии известным селькупским сказочником, о котором писала 22.01.1999 года газета «Северный край», 26 (!) сказок, что невозможно представить себе в настоящее время.

В книге для чтения (во втором классе) Е.Д. Прокофьевой уже более 100 текстов; соотношение текстов изменилось в сторону увеличения тематики революционной и современной, касающейся жизни в городе, работы на заводе и т.п. (32 рассказа). Появились тексты о тяжёлой прошлой жизни народа и о светлой жизни в настоящем, о кулаках и тракторах, о Красной Армии и героях, о лампочках электрических вместо керосиновых ламп, о радио и т.д. Много рассказывается о работе на огороде и о разных огородных культурах. Явно желая дать детям сведения биологического характера, автор книги приводит тексты о насекомых, о земноводных, о птицах, о животных, не встречающихся в тундре и тайге. Возросло количество текстов о природных явлениях и о жизни в тундре (более 40). Появились и обработанные автором селькупские сказки. В отличие от книг современных, в старых учебниках фактически нет стихов. Сами рассказы переводились на разные языки северных народов с единого стабильного учебника (переводы на селькупский язык обеих книг осуществлён Е.Д. Прокофьевой). Суммарно за два года обучения в начальной

школе детям предлагалось прочитать около 190 текстов. Однако уже к концу 1930-х годов ситуация изменилась. В 1940 году появился букварь на кириллице, после чего издание учебников для селькупской школы прекратилось, причём уже к началу 1950-х годов преподавание в школе было переведено на русский язык, селькупский стал предметом изучения, а в середине того же десятилетия почти на 30 лет и вовсе исчез из школьной программы. Кириллическая азбука была заново составлена носителем языка С.И. Ириковым, который в 1986 году выпустил новый учебник для 1 класса «Азбука». Если первые учебники были ориентированы на красноселькупский говор селькупского языка, то учебная литература второй половины XX века создавалась на основе раттовского говора.

2. Современное школьное образование и условия, препятствующие воспроизводству селькупского языка. Как уже отмечалось, нежелание говорить с собственными детьми на селькупском языке сами селькупы объясняют тем, что в начальной школе детям (особенно в интернате) не разрешают говорить по-селькупски, чтобы легче усваивался русский язык. Из этих же соображений и родителям не рекомендуют разговаривать с детьми дома на родном языке. Между тем многие селькупы в Фарково хотят (по крайней мере, теоретически), чтобы их дети знали свой язык. Однако именно условия для осуществления данного желания отсутствуют, в связи с чем их следует, по возможности, создавать.

• К их числу относится, прежде всего, отношение родителей к данной проблеме. Дело в том, что родители запуганы трудностями, которые в своё время испытали на себе сами, возникающими при адаптации ребёнка к русскоязычной школе, и либо совсем не говорят дома с детьми на родном языке, либо

разговаривают мало, хотя друг с другом беседуют по-селькупски.

• В школе на селькупский язык отводится всего по 2 часа в неделю в начальных четырёх классах школы (в последнее время и того меньше – со 2-го по 4 класс); в средней школе преподавание прекращается совсем.

• В младших классах обучение селькупскому языку ведётся по учебникам, ориентированным на раттовский говор тазовского диалекта, и хотя старшее поколение, хорошо знающее язык, без труда понимает носителей красноселькупского и раттовского говоров, молодые учителя испытывают затруднения в работе с учениками по имеющимся учебникам, в которых не учтены особенности разных говоров северного (тазовско-туруханского) диалекта селькупского языка; нет никаких методических разработок, которые помогли бы им заменить специфические особенности в области фонетики и грамматики соседнего говора на черты, присущие родному говору. Впрочем, в 2002 году появилось учебное пособие для педагогических колледжей и высших учебных заведений «Селькупский язык», в котором приводится таблица необходимых пересчетов с одного говора на другой.

• Дети в школе фактически не слышат селькупской речи, поскольку селькупский язык – язык изучения, а не язык обучения, каковым служит русский язык; школьники не знают селькупских сказок (а если знают, то только на русском языке) и в результате забывают даже то немногое, что усвоили в семье.

• Поразительно, что в посёлке с селькупским населением, единственным во всём Туруханском районе, в курсе краеведения нет истории именно селькупского народа, хотя школьники знакомятся с историей многих древних племён и народов, населявших когда-то Сибирь (кетов, эвенков, ненцев, энцев, нганасан, даже вымерших камасинцев, маторов и др.).

3. Условия, необходимые для изменения существующей языковой ситуации.

Учёные ещё в 2001 году предложили Концепцию этнической (национальной) школы для коренных малочисленных народов Севера. В ней, в частности, обсуждаются два пути совершенствования школьного учебника для северной школы: улучшение существующих учебников родного языка или создание учебников нового поколения. Параллельно ставится вопрос о кадровом обеспечении северной школы; об организации учебного процесса в этнических северных школах, в кочевых и передвижных школах, в школах-интернатах семейного типа; рассматривается возможность очно-заочной формы обучения; идёт здесь речь и о сбалансированности материала учебников для каждого последующего года обучения, о новой разработке структуры учебника, о пересмотре стратегии использования перевода с родного языка и на родной и о многом другом.

Многочисленные беседы во время экспедиций со школьниками, их родителями, учителями, представителями районного отдела образования, знакомство с учебно-педагогической литературой для малочисленных народов и с методикой преподавания в начальной и средней школе позволяют сформулировать следующие претензии к школьному образованию коренных этносов Севера.

- Сами селькупы говорят, что язык «никуда не денется, только говорить надо побольше». Но для этого необходимо и в детском саду, и в начальной школе не запрещать, а наоборот, разговаривать с детьми по-селькупски. Чтобы облегчить детям в дальнейшем обучение в школе, можно ввести для селькупских детей подготовительный класс, где постепенно приучать их к русскому языку.

- Совершенно необходимо вести селькупский язык как предмет изучения в течение всех лет обучения в

школе (и не по 2 часа, а хотя бы по 4). Для желающих можно объявить ещё и факультативные занятия. Разумно преподавать селькупский всем детям класса независимо от их национальности, как это делается и сейчас в Фарковской школе.

- Учитель должен на уроке разговаривать с учениками по-селькупски, предлагать школьникам вести диалог, читать на селькупском языке сказки. На первых порах селькупские сказки можно издавать на двух языках (правда, не в качестве учебной литературы). Последние годы на двух языках издаются сказки у хантов, манси, энцев, нганасан и многих других народов, но почему-то игнорируется эта практика для селькупов.

- Учítывая, что современное среднее и молодое поколение сами не владеют языком в совершенстве, следует организовать в школе лингафонный кабинет, где школьники могли бы слушать записанные от носителей старшего поколения, хорошо знающих селькупский язык, сказки, бытовые рассказы и т.п. В вузовской практике возможен и другой путь, которым пошли Н.Б. Кошкарёва и В.Н. Соловар, написавшие пособие по лексике хантыйского языка: их учебник сопровождается аудио- и видеоприложениями. На аудиокассете полностью записан текст каждого урока (в том числе – диалоги, упражнения и отдельные слова и выражения); ко многим темам учебника даются видеофильмы, тексты которых приводятся в книге.

- В помощь учителям селькупского языка надо писать методические указания и собирать учителей на специальные семинары.

- В школьном курсе «История Красноярского края» требуется выделить какое-то количество часов для ознакомления школьников с историей аборигенного населения (в Фарково им являются селькупы). Такого рода занятия по географии расселения

разных этносов на территории Красноярского края велись в пос. Бор. Школьники участвовали в соревнованиях с другими школами по этой теме. Разумно было бы проводить олимпиады по языковым, фольклорным темам.

- На уроках труда полезно возрождать народное искусство, обучать детей изготовлению изделий из бересты, коры и т.п. материалов, знакомить с традиционными орнаментами, раскрывать функциональное значение предметов женских рукоделий и т.д. Учитывая способность селькупских детей к рисованию, на что неоднократно обращали внимание многие исследователи-этнографы, необходимо стараться развивать у них именно эти способности.

- Желательно разработать методические пособия не только по языку и фольклору северных селькупов, но и по другим предметам, изучаемым в старших классах школы (например, пособия по биологии, этнографии, которые связаны с местной спецификой).

- Наконец, необходимо обеспечивать школу школьными принадлежностями; совершенно не допустимо, чтобы у школьников не было тетрадей, ручек, карандашей, альбомов для рисования и проч., как это наблюдается сейчас в Фарковской школе.

Если подытожить все нарекания родителей, учителей и самих учащихся, становится очевидным, что всё дело не только в политике русификации, но и в пассивности самого населения, в отсутствии инициаторов возрождения родного селькупского языка и культуры, которые нашлись в Ханты-Мансийском АО и которых пока слишком мало у селькупов. Нередко можно услышать и даже прочитать в местной прессе об иждивенческих настроениях коренного населения, которые следовало бы изживать. Статья в приложении к газете Туруханского района «Маяк Севера» так и названа: «Бесхитростные дети Севера уверены, что

власть должна их всем обеспечивать». Однако не менее очевидно, что желательна и помощь со стороны в целях возрождения и сохранения древней и своеобразной культуры селькупского этноса.

Все учебники и книги для чтения, существующие сейчас для селькупских школьников, плохо соответствуют создавшимся условиям и языковой ситуации в районах проживания селькупов. Требуются учебники нового типа, для которых можно использовать фрагменты и старых учебников, но для этого нужно готовить учителей новой формации, которые должны понимать свои задачи в новых условиях – условиях быстрого исчезновения селькупского языка. Преподавание по учебникам нового поколения требует подготовки учителей, способных ими пользоваться в процессе обучения детей. Однако политика в области образования вообще (в том числе и в Красноярском крае) и в Туруханском районе Красноярского края в частности вызывает большие нарекания со стороны широкой общественности, учителей, родителей.

Без литературы язык уже не сохранить

Начиная с августа 1932 года в Туруханске выходит общественно-политическая газета «Маяк Севера», имеющая ежемесячное приложение «Слово народов Севера», которые получают и в с. Фарково. К сожалению, даже когда в них печатаются сказки народов, населяющих туруханский район, в том числе, и селькупов, почти всё даётся на русском языке, лишь изредка мелькнёт сказка или появятся стихи Алитета Немгушкина на эвенкийском. Между тем пишущие высказывают порою трезвые мысли о необходимости поддерживать через школу, радио и газеты билингвизм в районе, где контакты носителей разных

языков повсеместны. При этом ратующие за поддержку в районе билингвизма не учитывают, что в создавшихся условиях двуязычие является односторонним (унилатеральным), по словам Е.А. Хелимского, когда речь идёт о билингвизме аборигенного народа Сибири: например, селькупы владеют родным и русским языком, но практически невозможно найти русского, говорящего по-селькупски. Билатеральное двуязычие встречается лишь у селькупов и кетов, в ряде районов у селькупов и хантов и некоторых других этносов данного ареала, но не среди русских, сплошь являющихся монолингвами.

При реально отсутствующем билингвизме у русскоязычного населения Западной Сибири обращают на себя внимание то и дело звучащие сейчас предложения ввести двуязычное образование. В 1930-е годы в селькупской школе преподавание всех предметов велось на родном языке; разработанная тогда же письменность была основана на латинской основе. После перевода селькупского письма на русскую графику в 1937 году обучение на селькупском языке «забуксовало», наступил краткий период свободного выбора языка образования, после которого в 1950-е годы язык местного населения в школе перестал быть языком обучения, став языком изучения. Иными словами, в школе материнский язык уже не использовался в качестве языка образования. Фактическое отсутствие письменности (её применение ограничивается лишь несколькими школьными учебниками) и официального использования языка ускоряет его утрату. Сходная ситуация в середине XIX века была характерна для вепсов, у которых также не было письменности и официального использования языка, что, по меткому выражению Э.Лённрота, «ускоряет его гибель, подобно тому, как отсутствие фундамента и угловых камней сказывается на прочности дома». И далее: «Основу

языка составляет литература, которая способствует его длительному сохранению, и если она не сумеет предотвратить исчезновение языка, то всё же сохранит в себе его прекрасные приметы» [Лённрот 1955, с. 293]. К счастью, пророчество в отношении вепсов пока не сбылось. Что касается селькупов, то, не взирая на отсутствие билатерального двуязычия в районе проживания северных селькупов и обоих указанных Э.Лённротом сдерживающих разрушение языка факторов, в последнее время всё чаще стали раздаваться голоса в поддержку двуязычной школы, понимаемой пишущими по-разному.

Так, методист районного управления образования С.Корсикова, обсуждая особенности северной школы на страницах ежемесячного приложения к газете «Маяк Севера» «Слово народов Севера» писала: «Наиболее приемлемой моделью национальной школы может стать двуязычная школа, в которой в качестве языка обучения используются оба языка (возможно, с некоторым отставанием русского языка). Это будет школа, где ни один язык не останется только в качестве учебного предмета, а оба будут полностью функционировать в полном объёме. При этом обеспечиваются более высокие темпы развития как родной, так и русской речи, а следовательно, и полноценное двуязычие. Двуязычие – это не только общение на двух языках, контакт двух языковых систем и двух речевых традиций, норм и этикетов, но и непрерывный диалог двух сложившихся менталитетов, эстетических идеалов, систем ценностей, диалог культур в самом широком смысле этого слова». Автор понимает, что сегодня программы для родных и русского языков разрабатываются независимо друг от друга как два самостоятельных предмета. По мнению С.Корсиковой, необходимо преодолеть этот разрыв и строить программы, исходя из того, что «родные и русский языки будут как

компоненты двуязычия, которые являются конечной целью их изучения». К сожалению, автор не учитывает, что все остальные предметы (математика, физика, химия, история и др.) будут вестись, очевидно, на русском языке, а предметы национальных компонентов в школах Севера (география, ОБЖ, ИЗО) до сих пор, по признанию самого методиста, даже не обеспечены программами. Следовательно, перевес всё равно останется на стороне русского языка, который будет сопровождать человека и во взрослой жизни.

Вопрос, поднятый С. Корсиковой о двуязычном образовании, давно обсуждается в мировой литературе, приводится много аргументов pro и contra; предлагаются самые разные варианты преподавания (например, за каждым школьным предметом закрепить свой язык преподавания; чередовать два языка – язык большинства и язык меньшинства – по дням недели; в двуязычном образовании участвуют дети и меньшинств, и большинства, причём языком и обучения, и изучения может быть и тот, и другой язык, и т.д.)

В.М. Алпатов, обсуждая вопрос о языке обучения у народов Севера, говорит о том, что теоретически возможны четыре ответа: обучение в школе можно вести на материнском языке, на русском, на материнском и русском и ни на каком. Последнее можно трактовать двояко: использовать какой-то третий язык в качестве языка обучения (то есть «ни на каком» из названных) или, следуя идеям лингвистической экологии, отказаться вообще от обучения детей автохтонного населения в школе. Во втором случае сохраняется тем самым их традиционная культура, пока ещё теплящаяся у старшего поколения и у жителей, обитающих вне посёлка, в результате чего у этноса оказываются сосуществующими гибридные культуры: «поселковая» и «лесная/тундровая».

От решения вопроса о сферах функционирования языка зависит очень многое. Особенно плохо, если этнический язык перестаёт быть языком домашнего общения. Мировой опыт показывает, что сохранение языка может произойти только в случае передачи родного языка в семье. Если прекратится воспроизводство языка в семье, то в школе при всех изменениях и улучшениях программ этнический язык в лучшем случае останется вторым языком, использование которого неминуемо будет угасать. Впрочем, влияние чужого языка (в данном случае – русского) на родной язык (в данном случае – селькупский) его взрослых носителей «зависит от их собственной установки на сохранение и поддержание языка». Справедливость данного высказывания подтверждается единичными примерами селькупов старшего поколения, безвыездно живущих в лесу, лишь изредка навещаемых родственниками из Фарково и не только желающих сохранить, но и сохраняющих свой язык, свой образ жизни и верования.

Ариадна Ивановна КУЗНЕЦОВА
родилась в 1932 году. В 1955 году она окончила филфак МГУ. Её кандидатская диссертация была посвящена лексико-семантической группе глаголов движения русского языка. В 1989 году исследовательница защитила докторскую диссертацию о периферийных явлениях в области морфемики (на материале русского языка). Кроме того, она автор нескольких монографий о селькупском языке.